

АДАПТАЦИЯ «ОПРОСНИКА СУИЦИДАЛЬНОГО НАРРАТИВА» НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

*К.А. Чистопольская, M.L. Rogers, E. Cao, И. Галынкер, J. Richards,
С.Н. Ениколопов, Е.Л. Николаев, В.С. Садовнича, С.Э. Дровосеков*

ГБУЗ «ГКБ им. А.К. Ерамишанцева» ДЗМ, г. Москва, Россия
Медицинский центр «Mount Sinai Beth Israel», Нью-Йорк, США
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», г. Москва, Россия
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия
ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия
МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», г. Всеволожск, Россия

ADAPTATION OF THE SUICIDAL NARRATIVE INVENTORY IN A RUSSIAN SAMPLE

*K.A. Chistopolskaya, M.L. Rogers,
E. Cao, I. Galynker, J. Richards,
S.N. Enikolopov, E.L. Nikolaev,
V.S. Sadovnichaya, S.E. Drovosekov*

Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital, Moscow, Russia
Mount Sinai Beth Israel, New York, USA
Mental Health Research Centre, Moscow, Russia
Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Center of psychological, pedagogical, medical help, Vsevolozhsk, Russia

Информация об авторах:

Чистопольская Ксения Анатольевна – клинический психолог (SPIN-код: 3641-3550; Researcher ID: F-4213-2014; ORCID iD: 0000-0003-2552-5009). Место работы и должность: медицинский психолог Психиатрического отделения №2 ГБУЗ «ГКБ им. А.К. Ерамишанцева» ДЗМ. Адрес: Россия, 129327, г. Москва, ул. Ленская, 15. Электронный адрес: ktchist@gmail.com

Rogers Megan L. – кандидат психологических наук (Researcher ID: AAC-1894-2021; ORCID iD: 0000-0002-4969-7035). Место работы и должность: Постдок, Медицинский центр «Mount Sinai Beth Israel». Адрес: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, 10003, USA. Электронный адрес: megan.l.rogers4@gmail.com

Cao Erjia – психолог (Researcher ID: AAC-1940-2021; ORCID iD: 0000-0001-8516-1687). Место работы и должность: Ассистент, Медицинский центр «Mount Sinai Beth Israel». Адрес: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, 10003, USA. Электронный адрес: ec3430@tc.columbia.edu

Галынкер Игорь – врач-психиатр, кандидат медицинских наук, профессор (ORCID iD: 0000-0001-8083-9479). Место работы и должность: Директор лаборатории исследований и превенции суицидов и Центра исследования биполярного расстройства им. Ричарда и Синтии Зириински (Zirinsky), Медицинский центр «Mount Sinai Beth Israel». Адрес: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, 10003, USA. Электронный адрес: igalynke@gmail.com

Richards Jenelle – психолог (Researcher ID: AAC-1897-2021; ORCID iD: 0000-0001-8843-2876). Место работы и должность: координатор исследования, Медицинский центр «Mount Sinai Beth Israel». Адрес: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, 10003, USA. Электронный адрес: jenellearichards@gmail.com

Ениколопов Сергей Николаевич – кандидат психологических наук, профессор (SPIN-код: 6911-9855; Researcher ID: C-2922-2016; ORCID iD: 0000-0002-7899-424X). Место работы и должность: заведующий отделом клинической психологии ФГБНУ «Научный центр психического здоровья». Адрес: Россия, 115522, г. Москва, Каширское шоссе, 34. Электронный адрес: enikolopov@mail.ru

Николаев Евгений Львович – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 6574-0189; Researcher ID: P-8907-2016; ORCID iD: 0000-0001-8976-715X). Место работы и должность: заведующий кафедрой социальной и клинической психологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15. Электронный адрес: pzdorovie@bk.ru

Садовнича Вероника Сергеевна – клинический психолог (SPIN-код: 6775-7202; Researcher ID: AAC-1598-2021; ORCID iD: 0000-0002-3244-658X). Место работы и должность: студентка факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова». Адрес: Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 9. Электронный адрес: veronika.sadovnichaya13@gmail.com

Дровосеков Сергей Эдуардович – психолог (SPIN-код: 2723-2966; Researcher ID: AAG-8704-2020; ORCID iD: 0000-0002-6739-4804). Место работы и должность: педагог-психолог МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». Адрес: Россия, 188645, Ленинградская область, г. Всеволожск, ул. Центральная, 8. Электронный адрес: sergo.nevsky@yandex.ru

Information about the authors:

Chistopolskaya Ksenia A. – clinical psychologist (Researcher ID: F-4213-2014; ORCID iD: 0000-0003-2552-5009). Place of work and position: clinical psychologist Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital. Address: Russia, 129327, Moscow, Lenskaya st., 15. Email: ktchist@gmail.com

Rogers Megan L. – PhD in Clinical Psychology (Researcher ID: AAC-1894-2021; ORCID iD: 0000-0002-4969-7035). Place of work and position: Postdoctoral Fellow, Mount Sinai Beth Israel. Address: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, New York, 10003, USA. Email: megan.l.rogers4@gmail.com

Cao Erjia – MA (Researcher ID: AAC-1940-2021; ORCID iD: 0000-0001-8516-1687). Place of work and position: Research Assistant, Mount Sinai Beth Israel. Address: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, New York, 10003, USA. E-mail: ec3430@tc.columbia.edu

Galynker Igor – MD, PhD in Psychiatry, Professor (Researcher ID: ...; ORCID iD: 0000-0001-8083-9479). Place of work and position: Director of the Suicide Research and Prevention Lab and the Zirinsky Center for Bipolar Disorder, Mount Sinai Beth Israel. Address: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, New York, 10003, USA. E-mail: igalynke@gmail.com

Richards Jenelle – MA (Researcher ID: AAC-1897-2021; ORCID iD: 0000-0001-8843-2876). Place of work and position: Research Program Coordinator, Mount Sinai Beth Israel. Address: 1-9 Nathan D Perlman Place, New York, New York, 10003, USA. Email: jenellearichards@gmail.com

Enikolopov Sergey N. – PhD in Clinical Psychology, Professor (Researcher ID: C-2922-2016; ORCID iD: 0000-0002-7899-424X). Place of work and position: head of clinical psychology department, Mental Health Research Centre. Address: Russia, 115522, Moscow, Kashirskoe highway, 34. Email: enikolopov@mail.ru

Nikolaev Evgeni L. – DSc in Medicine, Professor (Researcher ID: P-8907-2016; ORCID iD: 0000-0001-8976-715X). Place of work and position: Head of the Chair of Social and Clinical Psychology, Ulianov Chuvash State University. Address: Russia, 428015, Cheboksary, Moskovsky prospect, 15. E-mail: pzdorovie@bk.ru

Sadovnichaya Veronika S. – psychology student (Researcher ID: AAC-1598-2021; ORCID iD: 0000-0002-3244-658X). Place of study: Student, Psychology Department, Lomonosov Moscow State University. Address: Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya st., 11/9. Email: veronika.sadovnichaya13@gmail.com

Drovoskov Sergei E. – psychologist (Researcher ID: AAG-8704-2020; ORCID iD: 0000-0002-6739-4804). Place of work and position: pedagogue-psychologist, Center of psychological, pedagogical, medical and social help. Address: Russia, 188645, Leningrad Region, Vsevolozhsk, Centralnaya st., 8. Email: sergo.nevsky@yandex.ru

В статье предлагается понятие суицидального нарратива (СН) как компонента подострого состояния в рамках Модели нарративного суицидального кризиса. СН – это «тупиковый» нарратив жизни, перенятый из конструкта нарративной идентичности, который способен спровоцировать острой пресуицидальное состояние, Синдром суицидального кризиса. Цель исследования: адаптировать на российской выборке «Опросник суицидального нарратива». Участники: Были использованы данные интернет-опроса 537 респондентов в период с 16 июня по 22 ноября 2020 года. Возраст участников – 18-74 года ($M=26,96$, $SD=12,86$), 128 участников были мужчинами (24%), 393 – женщинами (73%), 16 выбрали иную гендерную идентичность (3%). Методики: «Опросник суицидального нарратива», шкала «Сочувствия к себе», «Шкала суицидальности». Результаты: Конфирматорный факторный анализ показал хорошее соответствие модели эмпирическим данным ($\chi^2[637]=2017,93$, $p<0,001$, $CFI=0,99$, $TLI=0,99$, $RMSEA=0,06$, $SRMR=0,06$), однако анализ конструктивной валидности показал необходимость доработки субшкал «Перфекционизма» и «Отказа от цели». Выводы: Субшкалы «Нарушенной принадлежности», «Воспринимаемой обременительности», «Поражения», «Западни» и «Страха унижения» из «Опросника суицидального нарратива» могут использоваться для исследования суицидального нарратива, в то время как перфекционизм как личностный стиль суицидента и целеполагание как элемент суицидального нарратива требует дальнейшего изучения, возможно, с использованием отдельных, более развёрнутых опросников.

Ключевые слова: суицид, суицидальный нарратив, модель нарративного суицидального кризиса, COVID-19

Пандемия COVID-19 стала вызовом для здравоохранения всех стран, попутно обострив проблемы в сфере психического здоровья, включая суицидальную активность [1]. На российской выборке было замечено усиление суицидальной идеации у респондентов интернет-опроса по мере развития эпидемии, независимо от мер самоизоляции [2], и в задачи нашего исследования входит уточнение этого феномена.

Теоретическая основа данного исследования представлена Моделью нарративного суицидального кризиса, которая была разработана И. Галынкером и коллегами [3]. Модель нарративного суицидального кризиса (МНСК) включает в себя факторы хронического и динамического риска многоступенчатой модели диатез-стресса и создана для оценки близкого суицидального риска, возникающего вследствие взаимовлияния долгосрочных факторов риска, стрессовых событий жизни (ССЖ), суицидального нарратива (СН), а также острого пресуицидального состояния, включающего аффективные и когнитивные симптомы –

The COVID-19 pandemic gave an additional strain on the world population, leading to mental health problems, including increase in suicidal activity [1]. In a Russian sample, the severity of suicidal thoughts in people were found to indeed be rising with the unfolding of the epidemic, irrespective of the lockdown measures [2], and our study sought to investigate this phenomenon.

The theoretical basis of the study is presented by the Narrative Crisis Model of suicide, developed by I. Galynker and his team [3]. Incorporating both chronic and dynamic risk factors in the diathesis-stress multi-stage model, the Narrative Crisis Model (NCM) was uniquely developed to assess imminent suicide risk evolving through confluence of long-term risk factors, stressful life events (SLEs), the Sui-

синдром суицидального кризиса (ССК) [3, 4]. В МНСК утверждается, что при столкновении со стрессовыми событиями жизни человек, обладатель долгосрочных факторов суицидального риска (уязвимых черт), может развить субъективно неприятную нарративную идентичность, которая приводит к осознанию неприемлемого будущего, СН. Подострый СН (который развивается в течение нескольких дней) может запустить невыносимо болезненное, острое когнитивно-аффективное состояние ССК (которое длится часы, минуты), представляющее близкий суицидальный риск [3].

Ряд эмпирических исследований обнаружил значимые связи между хроническими predispositional факторами уязвимости и суицидальными мыслями и действиями на протяжении жизни. Эти характеристики включают как межличностные факторы (безучастный родительский контроль, [5]), социальные переменные, включая закреплённое в культуре отношение к суициду, статус эмигранта [3], и психологические личностные черты, например, импульсивность и перфекционизм [6]. Возможный механизм, который связывает эти переменные, ССК. Авторы определяют его как опосредующий эффект между уязвимыми чертами, включая перфекционизм, импульсивность, хроническое злоупотребление ПАВ, ненадёжную привязанность, слабую социальную поддержку, детский травматический опыт, и суицидальными мыслями и действиями на протяжении жизни, что было подтверждено в исследованиях [7]. Хотя уязвимые черты остаются относительно постоянными и отдалены от острых суицидальных побуждений, они вносят вклад в долгосрочный суицидальный риск и прошлый суицидальный опыт в целом. Схожим образом, ССЖ, включая потерю или тяжёлую болезнь близкого человека или питомца, стресс отношений, социальную и физическую угрозу «Я», и другие события, являются опосредующим фактором между уязвимыми чертами и повышенным риском провокации острого состояния, приводящего к суицидальным мыслям и поведению в недалёком будущем [8].

Теория суицидального нарратива опирается на теорию нарративной идентичности [9-11]. Она определяет суицидальный нарратив как согласованные между собой, негативные схемы себя и других у суицидального человека, возникшие из хронических уязвимых черт, которые вызывают достаточно стресса для провокации возможного суицидального поведения [3, 4]. Взятые из предыдущих эмпирических исследований, компоненты суицидального нарратива включают нарушенную принадлежность, ощущение себя обузой (воспринимаемую обременительность), социальное поражение, страх унижения (межличностная ориентация), неспособность оставить недостижимые цели и переключиться на достижимые (целеполагание), а также перфекционизм и ощущение западни [4]. С помощью «Опросника межличностных потребностей» в предыдущих исследованиях удалось установить отчётливые и значимые связи между суицидальным желанием, нарушенной

цидальной Narrative (SN), and an acute pre-suicidal state of negative affective and cognitive symptoms, the Suicide Crisis Syndrome (SCS) [3; 4]. The NCM postulates that, when facing stressful life events, an individual with long-term risk factors for suicide may develop an internally aversive narrative identity that leads to no acceptable future, the SN. The subacute SN (days) can then trigger an intolerably painful acute cognitive-affective state of SCS (hours, minutes), which is associated with imminent suicide risk [3].

A number of empirical studies have established significant associations between chronic dispositional vulnerabilities and lifetime suicidal thoughts and behaviors, identifying both interpersonal factors (e.g., parental affectionless control; [5]), social elements, including cultural attitudes towards suicide and immigration status [3], and psychological vulnerabilities, such as impulsivity and perfectionism [6]. One possible mechanism behind the association is the SCS, which accounted for the association between trait vulnerabilities, including perfectionism, impulsivity, chronic substance abuse, insecure attachment, poor social support, and childhood trauma, and lifelong suicidal ideations and attempts in one sample [7]. While remaining comparatively static and distal to imminent suicidal urges, trait vulnerabilities contribute to long-term suicidal risk and past suicidality in general. Similarly, the occurrences of stressful life events (SLEs), including harm to close person or pet, relationship stressors, threats to self-role/identity, and threats to self-personal safety, among others, were found to explain the relationship between trait vulnerabilities and a higher risk of triggering acute state leading to both recent and future suicidal phenomena [8].

Derived from the long-established theory of narrative identity [9-11], the framework of suicide narrative is conceptualized as the coherent negative schemas of a suicidal individual and others, evolving from chronic trait vulnerabilities, that became distressing enough to induce the possibility of suicidal behaviors [3, 4]. Extracted from previously validated empirical research, components of the SN, including thwarted belongingness, perceived burdensomeness, social defeat, fear of humiliation (Interpersonal Orientation), and failure to disengage from unattainable goals and engage with more adaptive and

принадлежностью (психологически болезненным душевным состоянием, вызванным неудовлетворенной базовой потребностью в связях с другими людьми), и ощущением себя обузой, вызванной неудовлетворенной потребностью быть социально компетентным [12]. Схожим образом, есть данные, подтверждающие, что суицидальные мысли и поведение возникают из страха унижения, а также из желания избежать чувства поражения [13-16].

Ещё один компонент суицидального нарратива указывает на трудности адаптации к факту существования недостижимых целей и на уровень стоящей за этим феноменом когнитивной ригидности. Эти факторы значимо предсказывают будущую суицидальную идеацию [17, 18]. Вероятно, неспособность достичь жизненных целей и найти новые провоцирует фрустрацию, возможно, приводя к ощущению отсутствия смысла в жизни и, тем самым, усиливает краткосрочный суицидальный риск.

Последний элемент МНСК, синдром суицидального кризиса (ССК), описывает острое когнитивно - аффективное состояние, приводящее к близкому суицидальному риску. Синдром состоит из пяти эмпирически установленных симптомов, которые оцениваются посредством «Опросника суицидального кризиса» (ОСК), и включают напряженное ощущение западни в сочетании с сильным аффективным волнением, потерей когнитивного контроля, гипервозбуждением и социальным отчуждением [19]. Активация СН, которая выражается в негативных историях о самом себе, развившихся вследствие длительно действующих уязвимых черт характера, значимо связана с ССК. Острое состояние когнитивной и аффективной дисрегуляции может в дальнейшем привести к повышению близкого риска суицида.

Создание «Опросника суицидального нарратива» (ОСН)

В данной статье мы сосредоточились на адаптации «Опросника суицидального нарратива» (ОСН) на российской выборке в качестве первого шага проверки Модели нарративного суицидального кризиса. Оригинальная версия ОСН [4] была сформирована для исчерпывающей оценки конструктов, составляющих суицидальный нарратив (связную когнитивно-аффективную структуру, в которой репрезентация себя по отношению к другим оказывается достаточно неприятной, чтобы суицид начал рассматриваться человеком как возможный вариант решения проблемы). Компоненты суицидального нарратива были отобраны из эмпирически исследованных психологических состояний, значимо связанных с суицидальными мыслями и действиями. Это конструкты «Нарушенная принадлежность» и «Ощущение себя обузой (воспринимаемая обременительность)» [12, 20], ощущение поражения, западни, унижения, перфекционизм, а также трудности переключения с недостижимых целей на новые [21, 22]. Предполагалось, что эти компоненты связываются в единый конструкт, и когда он активируется, он приводит к острому психологическому состоянию, предшествующему

achievable goals (Goal Orientation), are established as primary components of the SN [4]. Using the Interpersonal Need Questionnaire (INQ), previous research was able to establish distinct yet both significant associations between suicidal desire, thwarted belongingness, a psychologically painful mental state due to unfulfilled fundamental connectedness, and perceived burdensomeness, which is caused by the insufficient need for social competence [12]. Likewise, evidence has also raised the possibility that suicidal thoughts and behaviors emerge in response to the fear of humiliation, along with the desire to escape from the feeling of being defeated [13-16].

Another component of the SN indicates difficulty in readjusting from unattainable goals, the levels of cognitive rigidity behind which were identified as significant predictors of prospective suicidal ideation [17, 18]. It is plausible that the failure to pursue life goals and the inability to commit to new ones would induce frustration, possibly impairing the meaningfulness and purposefulness of living, and therefore, intensify short-term suicide risk.

As the last step of the NCM, the SCS describes an acute cognitive-affective state leading towards imminent suicide risk through five empirically-established symptoms: including an intense feeling of entrapment, accompanied by affective disturbance, loss of cognitive control, hyperarousal, and social withdrawal [19]. Activation of the SN, characterized by negative self-stories that evolved from long-term trait vulnerabilities, is significantly associated with SCS. This acute state of cognitive and affective dysregulation may further lead to an increase in imminent suicidal risk.

The Construction of the Suicidal Narrative Inventory (SNI)

In the present paper, we focus on the adaptation of the Suicidal Narrative Inventory (SNI) into Russian as the first step of verification of the Narrative Crisis Model of suicide in this population. The original version of the SNI [4] was developed to comprehensively assess constructs posited to comprise a suicidal narrative (i.e., a coherent cognitive-affective structure in which one's representation of oneself in relation to others becomes sufficiently distressing as to make suicide a viable option). Components of the suicidal narra-

повышению близкого риска суицида. Пункты первоначального опросника [4] были взяты из валидизированных шкал, включая «Опросник межличностных потребностей» [23], «Многомерную шкалу перфекционизма» [24], «Шкалу отказа и смены цели» [25], «Шкалу воспринимаемой критики» [26], «Опросник унижения» [27] и «Краткую шкалу поражения и западни» [28]. Результаты психометрического анализа оригинального ОСН показали, что все субшкалы внутренне согласованы и связаны между собой, как и ожидалось [4].

Исследование

Наша гипотеза в данной работе заключалась в том, что структура ОСН на российской выборке покажет удовлетворительное соответствие эмпирическим данным и хорошую конструктивную валидность.

Материалы и методы.

Характеристика выборки

Исследование началось 16 июня 2020 года и продолжается до сих пор. В анализе использованы данные по 22 ноября 2020 года. Всего было получено 836 ответов, из числа которых мы выделили 537 респондентов, заполнивших ОНС, и 274 респондентов, заполнивших шкалу «Сочувствия к себе», использованную нами в качестве инструмента для проверки конструктивной валидности исследуемого опросника (по техническим причинам, она была добавлена позже, 13 августа 2020 года).

Возраст участников – 18-74 года ($M=26,96$, $SD=12,86$), но мода и медиана показали, что в основном участники были молодыми людьми ($Me=21$, $Mo=19$). В выборке из 537 человек 128 участников были мужчинами (24%), 393 – женщинами (73%), 16 выбрали иную гендерную идентичность (3%). География участников была следующей: 248 человек проживали в Чувашской республике, 157 – в Москве и Московской области, остальные регионы страны составляли менее 3%.

Опросники.

1. «Опросник суицидального нарратива» (ОСН) – шкала, которая включает факторы когнитивного риска суицида в соответствии с различными моделями суицидального поведения, в том числе МНСК. Оригинальная версия состоит из 132 пунктов, но для задач нашего исследования опросник был сокращён. В данном исследовании он состоял из 38 пунктов, которые в предыдущих исследованиях давали больше всего нагрузки на соответствующие шкалы. Они оцениваются по пятибалльной шкале Ликерта от 1 (абсолютно неверно) до 5 (крайне верно). Субшкалы следующие:

– «Нарушенная принадлежность» (5 пунктов) и «Воспринимаемая обременительность» (5 пунктов) – субшкалы «Опросника межличностных потребностей» [23, российская адаптация 29], которые описывают ощущение, что человек не принадлежит к значимым для него группам людей и чувствует себя обузой для любимых. Примеры пунктов: «В настоящее время я счастлив, что у меня много заботливых и поддерживающих меня друзей» (НП, обрат-

ive were drawn from empirically-validated psychological states that are significantly related to suicidal thoughts and behaviors: thwarted belongingness and perceived burdensomeness [12; 20], defeat, entrapment, humiliation, perfectionism, and difficulties disengaging from unattainable goals [21; 22]. Specifically, these components were thought to cohere into a unified construct that, when activated, leads to an acute psychological state precipitating increases in suicide risk. Items for the original measure [4] were drawn from validated scales, including the Interpersonal Needs Questionnaire [23], Multidimensional Perfectionism Scale [24], Goal Adjustment Scale [25], Perceived Criticism Scale [26], Humiliation Inventory [27], and the Short Defeat and Entrapment Scale [28]. Results from an initial psychometric analysis of the original SNI indicated that each of the subscales was internally consistent and related to other scales in expected directions [4].

Study

We hypothesized that in our study, the structure of the SNI will show satisfactory fit to the empirical data and good construct validity in a Russian community sample.

Materials and methods:

Characteristics of the sample

The study started on June, 16, 2020, and continues today. The answers till November, 22, 2020, were used: 836 responses in total, of which 537 people answered SNI, and 274 answered Self-Compassion Scale, used for construct validity (due to technical reasons, it was added later, on August, 13, 2020).

The age of participants ranged from 18 to 74 years, $M=26.96$, $SD=12.86$, but Mode and Median showed that main pool of participants was younger ($Me=21$, $Mo=19$). In the sample of 537 people, 128 participants were males (24%), 393 were females (73%), and 16 stated some other gender identity (3%). The geography of the participants varied: 248 were from Chuvash Republic, 157 were from Moscow and Moscow region, and other regions of the country were presented by less than 3%.

The instruments:

1. Suicidal Narrative Inventory – a composite scale, which includes cognitive risk factors for suicide according to various models of suicidal behavior, including

ный пункт); «В настоящее время мне кажется, что моя смерть была бы облегчением для окружающих» (ВО).

– «Страх унижения» (5 пунктов) – субшкала из «Опросника унижения» [27], который описывает страх осмеяния и травли. Пример пункта: «Я боюсь издевательств».

– «Поражение» (5 пунктов) и «Западня» (5 пунктов) – субшкалы «Краткой шкалы поражения и западни» [28]. Они описывают ситуацию поражения и ощущения, будто у человека нет приемлемого выхода. Примеры пунктов: «Я чувствую, что лишился своей уверенности» (П); «У меня часто бывает такое чувство, когда мне хочется просто сбежать» (З).

– «Смена цели» (5 пунктов) и «Отказ от цели» (3 пункта) – субшкалы из «Шкалы отказа и смены цели» [25, российская адаптация 30], которые описывают трудности отключения от недостижимой цели и фокусировку на других, более жизнеспособных целях. Примеры пунктов: «Если мне приходится отказаться от важной цели в моей жизни, я думаю о других, новых целях, которые я могу достичь» (СЦ); «Мне трудно прекратить добиваться цели» (ОЦ).

– «Перфекционизм» (5 пунктов) – субшкала из «Многомерной шкалы перфекционизма» [24, российская адаптация 31], которая описывает ориентацию человека на безупречное исполнение. Пример пункта: «Я всегда должен выкладываться на полную».

Хотя некоторые шкалы, которые вошли в субшкалы ОСН, были переведены и адаптированы другими авторами, мы перевели все пункты заново, чтобы они составили связное целое. Поскольку Главный Исследователь с американской стороны хорошо владеет русским языком, он проверил и внёс исправления в перевод пунктов, после чего мы перешли к тестированию опросника.

2. Шкала «Сочувствие к себе» [32, российская адаптация 33]. Опросник состоит из 6 шкал, 26 пунктов, оцениваемых по шкале Ликерта от 1 (почти никогда) до 5 (почти всегда), которые озаглавлены «Как я отношусь к себе в трудные времена». Субшкалы: доброта к себе («Я стараюсь относиться к себе с любовью, когда испытываю душевную боль»), самокритика («Я не одобряю и осуждаю свои недостатки и промахи»), общность с человечеством («Когда дела идут плохо, я рассматриваю трудности как часть жизни, через которую проходят все»), самоизоляция («Когда я думаю о своих промахах, я чувствую себя отделённым, отрезанным от остального мира»), внимательность («Когда меня что-то огорчает, я стараюсь уравновешивать свои эмоции»), чрезмерная идентификация («Когда меня что-то огорчает, чувства захлестывают меня»).

3. «Шкала суицидальности» (12 пунктов, ответы «да / нет», субшкалы суицидальной активности в течение жизни и за последний месяц), использованная в этом исследовании, представляла собой производную Колумбийской шкалы самоотчета оценки суицидальной тяжести [34], и

the Narrative Crisis Model of suicide. The original version of the scale consisted of 132 items, but for the present purposes of the study the questionnaire was abridged. In this study it consisted of 38 items, which loaded strongly on the appropriate subscales in previous study. They were assessed on a 5-point Likert scale from 1 – “absolutely untrue” to 5 – “extremely true”. The subscales are:

– Thwarted Belongingness (5 items) and Perceived Burdensomeness (5 items) are the subscales from the Interpersonal Needs Questionnaire [23, Russian adaptation 29], which describe a feeling of not belonging to the significant groups of people, and being a burden for the loved ones. The examples of the subscales are: “These days, I am fortunate to have many caring and supportive friends” (TB, reversed); “These days, I think my death would be a relief to the people in my life” (PB).

– Humiliation (5 items) is a subscale from Humiliation Inventory [27], which describes the fear of being ridiculed and bullied. The example is: “I fear being harassed”.

– Defeat (5 items) and Entrapment (5 items) are the subscales from the Short Defeat and Entrapment Scale [28]. They describe the situation of failure and being in a state, when no acceptable outcome is possible. The examples are: “I feel that my confidence has been knocked out of me” (D); “I often have the feeling that I would just like to run away” (E).

– Goal Reengagement (5 items) and Goal Disengagement (3 items) are the subscales from the Goal Adjustment Scale [25; Russian adaptation 30], which describe the difficulty to withdraw from the unattainable goal and to focus on other, more viable goals. The examples are: “If I have to stop pursuing an important goal in my life, I think about other new goals to pursue” (GR); “I find it difficult to stop trying to achieve a goal” (GD).

– Perfectionism (5 items) is the subscale from the Multidimensional Perfectionism Scale [24; Russian adaptation 31], which describes the strategy of the person for a flawless performance. The example is: “I must work to my full potential at all times”.

Despite that some of the scales, which constitute the subscales, were translated and adapted elsewhere, we translated

была дополнена пунктами, которые уточняют суицидальные действия, не охваченные оригинальной версией опросника. Для задач данного исследования, все пункты по субшкалам суицидальной активности в течение жизни и за последний месяц суммировались. Из 537 ответов, 116 человек признали суицидальную активность за последний месяц (от мыслей до планов и действий – от 1 до 12 баллов), и 283 человек признали разные формы суицидальности в течение жизни.

Результаты

Конфирматорный факторный анализ «Опросника суицидального нарратива».

Конфирматорный факторный анализ (КФА) был произведён для проверки факторной структуры русскоязычной версии ОЧН и его соответствия оригинальной, англоязычной версии. А именно, пункты должны были давать нагрузку на соответствующие факторы: нарушенной принадлежности, воспринимаемой обременительности, страха унижения, поражения, западни, перфекционизма, отказа и смены цели. Поскольку пункты оценивались по порядковой шкале (пятибалльной шкале Ликерта), использовался взвешенный метод наименьших квадратов (ВМК). Соответствие модели оценивалось по опубликованным рекомендациям [35, 36], включая статистику χ^2 , сравнительный индекс согласия Бентлера (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI), корень среднеквадратической ошибки аппроксимации (RMSEA) и стандартизированный корень среднеквадратического остатка (SRMR). А именно, мы оценивали хорошее соответствие модели при достижении показателей незначимой статистики хи-квадрат, $CFI \geq 0,95$, $TLI \geq 0,95$, $RMSEA \leq 0,06$, и $SRMR \leq 0,08$. Пропущенные данные удалялись во избежание искусственного вменения точек данных. Весь анализ был произведён в R с использованием пакета *lavaan* [37].

Результаты восьмифакторного КФА на русскоязычной версии ОЧН показали хорошее соответствие эмпирических данных теоретической модели и оригинальной версии опросника ($\chi^2[637] = 2017,93$, $p < 0,001$, $CFI = 0,99$, $TLI = 0,99$, $RMSEA = 0,06$, $SRMR = 0,06$). Стандартизированные факторные нагрузки представлены в Табл. 1. В целом, факторная структура опросника была подтверждена, и все пункты дали значимую нагрузку на соответствующие факторы. Альфа Кронбаха были высоки во всех шкалах, за исключением «Отказа от цели», для данной шкалы показатель был умеренным (0,689) (Табл. 2, значения в скобках по диагонали).

Конструктивная валидность «Опросника суицидального нарратива»

Сначала мы проверили корреляцию субшкал между собой, чтобы уточнить их отношения (Табл. 2). Мы видим, что наиболее сильные корреляции наблюдаются между шкалами «Поражения» и «Западни», что показывает их семантическое сходство. Эти субшкалы также высоко коррелируют с «Воспринимаемой обременительностью» ($r > 0,6$), «Страхом унижения» ($r > 0,45$) и «Нарушенной принадлежностью» ($r > 0,35$), уже на этом этапе показывая наиболее сильные факторы риска суицида.

all the items anew, so that they constituted a coherent scale. As the Principal Investigator of the study from the American side has a good knowledge of Russian language, he verified the translation and made some corrections.

2. Self-Compassion Scale [32, Russian adaptation 33]. The questionnaire consists of six 5-point Likert subscales from 1 (almost never) to 5 (almost always), 26 items with a heading “How I typically act towards myself in difficult times”. Subscales are following: Self-Kindness (“I try to be loving towards myself when I’m feeling emotional pain”), Self-Criticism (“I’m disapproving and judgmental about my own flaws and inadequacies”), Common Humanity (“When things are going badly for me, I see the difficulties as part of life that everyone goes through”), Isolation (“When I fail at something that’s important to me, I tend to feel alone in my failure”), Mindfulness (“When something upsets me I try to keep my emotions in balance”), and Over-Identification (“When something painful happens I tend to blow the incident out of proportion”).

3. Suicidality scale (12 items, yes/no answers, for lifetime and last month suicidal activity) used in the study is a derivative of the Columbia Suicide Severity Rating Scale [34], complemented by the items, which specify some suicidal behavior, not captured by the initial C-SSRS interview. For the present research purposes, all answers on the scale were summed up to form both lifetime and recent suicidality scores. Out of 537 responses, 116 people admitted at least some recent suicidal activity from thoughts to plans and behaviors (from 1 to 12 points), and 283 people admitted some form of lifetime suicidality.

Results

Confirmatory Factor Analysis of the Suicidal Narrative Inventory

A confirmatory factor analysis (CFA) was conducted to test the factor structure of the Russian SNI and examine whether it was consistent with the original, English, version of the SNI. Specifically, items were set to load on their respective subscale factors: thwarted belongingness, perceived burdensomeness, fear of humiliation, defeat, entrapment, perfectionism, goal reengagement, and goal disengagement. Because items were ordinal (i.e.,

Таблица 1 / Table 1

Стандартизированные факторные нагрузки пунктов на субшкалы «Опросника суицидального нарратива»
Standardized factor loadings of the items on subscales from the Suicidal Narrative Inventory

Субшкала Subscale	№ Items #	Факторные нагрузки Factor loadings
Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	3	0,846
	6	0,823
	16	0,708
	23	0,654
	30	0,785
Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	19	0,894
	24	0,844
	28	0,878
	36	0,882
	35	0,958
Страх унижения Fear of Humiliation	5	0,890
	7	0,925
	12	0,866
	21	0,721
	26	0,900
Поражение Defeat	14	0,802
	15	0,824
	22	0,894
	31	0,768
	37	0,860
Смена цели Goal Reengagement	1	0,773
	13	0,770
	20	0,869
	33	0,821
Отказ от цели Goal Disengagement	38	0,843
	9	0,792
	27	0,609
	29	0,658
Западня Entrapment	11	0,664
	17	0,814
	25	0,864
	32	0,885
Перфекционизм Perfectionism	34	0,811
	2	0,798
	4	0,792
	8	0,777
	10	0,763
	18	0,810

Напротив, «Смена цели», «Отказ от цели» и «Перфекционизм» оказались менее отчетливыми факторами риска. Они положительно коррелируют друг с другом и отрицательно – с «Нарушенной принадлежностью». Можно понять, что люди, стремящиеся к совершенству, могут быть менее склонны бросать недостижимые цели, но, с другой стороны, перфекционизм – это фактор суицидального риска, в то время как конструкты отказа и смены цели – антисуицидальные факторы, так что взаимодействие оказывается более сложным.

rated on a 5-point Likert scale), diagonally weighted least squares (WLS) estimation was used. Model fit was evaluated using published recommendations [35, 36], including the chi-square statistic (χ^2), comparative fit index (CFI), Tucker-Lewis index (TLI), root mean squared error of approximation (RMSEA), and standardized root mean residual (SRMR). Specifically, good model fit was indicated by a non-significant χ^2 statistic, CFI $\geq .95$, TLI $\geq .95$, RMSEA $\leq .06$, and SRMR $\leq .08$. Missing data were handled using list-wise deletion to avoid artificial imputation of data points. All analyses were conducted in R using the *lavaan* package [37].

Results of an eight-factor CFA of the Russian version of the SNI resulted in good model fit ($\chi^2[637] = 2017.93, p < .001, CFI = .99, TLI = .99, RMSEA = .06, SRMR = .06$). Standardized factor loadings are presented in Table 1. Overall, the factor structure replicated that of the English version of the SNI, in that all items significantly loaded onto their respective factors. Cronbach's alphas were high in all the scales, except for Goal Disengagement, in which it was moderate (0.689) (Table 2, diagonal, in parenthesis).

Construct validity of the Suicidal Narrative Inventory

First, we correlated the subscales with each other, to verify their relations (Table 2). We see the most prominent correlation between Defeat and Entrapment scales, which shows their semantic similarity. Defeat and Entrapment also correlate strongly with Perceived Burdensomeness ($r > 0.6$), and Fear of Humiliation ($r > 0.45$), and Thwarted Belongingness ($r > 0.35$), which mark the most pressing risk factors for suicide.

On the contrary, Goal Reengagement, Goal Disengagement and Perfectionism turn out to be less straightforward risk factors. They correlate positively with each other and negatively with Thwarted Belongingness. It's understandable that those who seek perfection may be less prone to leave unattainable goals, but on the other hand, Perfectionism is a risk factor for suicide, while goal adjustment constructs are protective against suicide, so the interaction here is more complex.

But the negative correlation of Perfectionism with Thwarted Belongingness and no correlation with Perceived Burden-

Вместе с этим, отрицательная корреляция субшкалы «Перфекционизма» с «Нарушенной принадлежностью» и отсутствие корреляции с «Воспринимаемой обременительностью» бросает тень на валидность этой субшкалы для использования её в суицидологических исследованиях. В соответствии с теорией П. Хьюитта, перфекционист имеет глубоко искаженное восприятие социальных отношений, вследствие чего и бросается на поиски идеала – чтобы обрести уважение, любовь и утраченную связь с близкими [38]. Поэтому мы ожидали высокую положительную корреляцию с этими факторами риска, а отсутствие этих связей указывает на необходимость дальнейших исследований этой субшкалы, и даже отдельного использования полной шкалы перфекционизма в последующих суицидологических исследованиях.

Субшкала «Страха унижения», к нашему удивлению, не коррелировала с субшкалами «Отказа от цели» и «Смены цели», но имела невысокую положительную (ожидаемую) связь с субшкалой «Перфекционизма».

Корреляции субшкал ОСН со шкалой «Сочувствия к себе» вновь показывают, что наиболее тревожные компоненты суицидального нарратива – это конструкты «Воспринимаемой обременительности», «Страха унижения», «Поражения», «Западни», поскольку они показывают умеренно-высокие отрицательные корреляции с субшкалами «Сочувствия к себе». «Нарушенная принадлежность» демонстрирует большинство ожидаемых корреляций, но меньшего порядка.

someness cast a doubt on the validity of the subscale for suicide research. In P. Hewitt's theory, perfectionist has a deeply problematic perception of their social relationships, which throws them on a quest for perfection – to gain respect, and love, and a lost connection [38]. So we would expect strong positive links with these social risk factors, and the absence of them shows the need for further study of this subscale, and maybe a separate use of some perfectionism scale in other studies of suicidality.

The Fear of Humiliation subscale, surprisingly, has no correlations with goal adjustment measures, but has a small positive (expected) correlation with Perfectionism.

Correlations of the SNI subscales with Self-Compassion Scale again prove that the most worrisome components of the suicidal narrative are Perceived Burdensomeness, Fear of Humiliation, Defeat and Entrapment constructs, as they show moderate to high negative relation with self-compassion subscales. Thwarted Belongingness demonstrates most of the expected correlations, but to a lesser degree.

Таблица 2 / Table 2

Корреляции субшкал «Опросника суицидального нарратива» между собой
Intercorrelations of the Suicidal Narrative Inventory subscales

Субшкала Subscale	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	1,38 (0,83)	(0,827)	0,35***	0,12**	0,38***	-0,41***	-0,31***	0,40***	-0,33***
2. Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	1,80 (0,86)		(0,917)	0,33***	0,64***	-0,26***	-0,08	0,67***	0,04
3. Страх унижения Fear of Humiliation	3,20 (1,04)			(0,904)	0,48***	-0,06	0,08	0,52***	0,13**
4. Поражение Defeat	2,35 (0,92)				(0,893)	-0,26***	-0,09*	0,90***	0,07
5. Смена цели Goal Reengagement	3,41 (0,86)					(0,885)	0,26***	-0,24***	0,20***
6. Отказ от цели Goal Disengagement	3,36 (0,76)						(0,689)	-0,12**	0,45***
7. Западня Entrapment	2,44 (0,92)							(0,870)	0,02
8. Перфекционизм Perfectionism	3,36 (0,83)								(0,864)

Примечание: Достоверность p<0,05 - *, p<0,01 - **, p<0,001 - ***

Note: Levels of significance: p<0,05 - *, p<0,01 - **, p<0,001 - ***

Таблица 3 / Table 3

Корреляции субшкал «Опросника суицидального нарратива» со шкалой «Сочувствия к себе» (274 ответа)
Correlations of Suicide Narrative Inventory subscales with Self-Compassion Scale (274 responses)

Субшкала Subscale	M (SD)	Доброта к себе Self-Kindness	Самокритика Self-Criticism	Общность с человечеством Common Humanity	Самоизоляция Self-Isolation	Внимательность Mindfulness	Чрезмерная идентификация Over-Identification	Сочувствие к себе Self-Compassion
1. Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	1,21 (0,84)	-0,30***	0,12*	-0,21***	0,15*	-0,27***	0,06	-0,28***
2. Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	1,80 (0,84)	-0,30***	0,35***	-0,02	0,39***	-0,26***	0,26***	-0,43***
3. Страх унижения Fear of Humiliation	2,98 (1,02)	-0,19**	0,47***	0,13*	0,62***	-0,10	0,62***	-0,52***
4. Поражение Defeat	2,23 (0,81)	-0,33***	0,43***	-0,06	0,58***	-0,29***	0,51***	-0,59***
5. Смена цели Goal Reengagement	3,36 (0,89)	0,26***	0,02	0,33***	-0,13*	0,26***	-0,03	0,24***
6. Отказ от цели Goal Disengagement	3,39 (0,75)	0,21***	0,12	0,28***	-0,03	0,22***	0,06	0,13*
7. Западня Entrapment	2,28 (0,86)	-0,36***	0,45***	-0,07	0,60***	-0,30***	0,53***	-0,63***
8. Перфекционизм Perfectionism	3,45 (0,78)	0,14*	0,23***	0,16**	0,05	0,16**	0,12*	<0,01
M (SD)		3,03 (0,80)	2,83 (0,88)	2,90 (0,84)	2,70 (1,00)	3,16 (0,82)	2,94 (0,98)	3,11 (0,56)

Примечание: Достоверность $p < 0,05$ - *, $p < 0,01$ - **, $p < 0,001$ - ***.
Note: Levels of significance: $p < 0,05$ - *, $p < 0,01$ - **, $p < 0,001$ - ***.

Шкалы «Отказа от цели» и «Смены цели» показывают умеренно-низкие корреляции с позитивными конструктами сочувствия к себе (с «Добротой к себе», «Общностью с человечеством», «Внимательностью», общим баллом «Сочувствия к себе», то есть неумение отказаться от недостижимой цели скорее рассматривается людьми как нечто позитивное), но не дают корреляций с негативными аспектами. Субшкала «Перфекционизма», напротив, ведёт себя непоследовательно и положительно коррелирует с позитивными и негативными аспектами сочувствия к себе, что вновь говорит о необходимости более сложной и чувствительной шкалы для измерения разрушительности перфекционизма.

Предварительный этап проверки Модели нарративного суицидального кризиса: связь суицидального нарратива с суицидальностью

Затем мы проверили связи субшкал ОСН с реальным суицидальным поведением, о котором люди сообщили в шкале самоотчета («Шкале суицидальности»). Опять-таки, конструкты «Воспринимаемой обременительности», «Поражения» и «Западни» проявились как наиболее сильные факторы риска и компоненты суицидального нарратива. Конструкты «Нарушенной принадлежности», «Смены цели» и «Страх

Goal adjustment subscales show moderate to small correlations with positive constructs of self-compassion (Self-Kindness, Common Humanity, Mindfulness, general SCS score, which means that inability to disengage from unattainable goal respondents viewed as a positive quality) and no correlations with negative aspects. Perfectionism subscale, on the contrary, behaves inconsistently and has positive links with both positive and negative aspects of self-compassion, which again speaks for the need of a more complex and sensitive measure to capture the destructiveness of perfectionism.

The preliminary step of testing the Narrative Crisis Model of suicide: a link of suicidal narrative with suicidality

Then we checked the relations of the SNI subscales with actual self-reported suicidal behavior (Suicidality

унижения» были тоже значимы, но меньше, а субшкалы «Отказа от цели» и «Перфекционизма» не показали значимых связей.

Таблица 4 / Table 4

Корреляции субшкал ОЧН с суицидальностью на протяжении жизни и за последний месяц
Correlation of the SNI subscales with lifetime and recent suicidality

Субшкала Subscale	На протяжении жизни Lifetime suicidality	За последний месяц Recent suicidality
1. Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	0,28***	0,21***
2. Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	0,32***	0,39***
3. Страх унижения Fear of Humiliation	0,25***	0,14**
4. Поражение Defeat	0,36***	0,35***
5. Смена цели Goal Reengagement	-0,10*	-0,15***
6. Отказ от цели Goal Disengagement	-0,08	-0,07
7. Западня Entrapment	0,40***	0,37***
8. Перфекционизм Perfectionism	-0,07	-0,02

Примечание: Достоверность $p < 0,05$ - *, $p < 0,01$ - **, $p < 0,001$ - ***.
Note: Levels of significance: $p < 0,05$ - *, $p < 0,01$ - **, $p < 0,001$ - ***.

scale). Again, Perceived Burdensomeness, Defeat and Entrapment constructs were the most pressing risk factors and components of suicidal narrative. Thwarted Belongingness, Goal Reengagement and Humiliation constructs were important, but to a lesser degree; Goal Disengagement and Perfectionism subscales showed no significant correlations.

We performed linear regression analysis to find out the most important risk factors for the lifetime and recent (one month) suicidality. It showed that Thwarted Belongingness and Entrapment constructs (and, marginally, Fear of Humiliation) have the highest predictive value for lifetime suicidal behavior (Table 5), while for the recent suicidality these factors were Perceived Burdensomeness and Entrapment (Table 6).

Interestingly, but Entrapment worked both as a lifetime and a short-term factor of suicidal behavior, and Perceived Burdensomeness was slightly more pressing factor for the recent suicidality, than Entrapment.

Таблица 5 / Table 5

Поиск наиболее значимых факторов, предсказывающих суицидальность на протяжении жизни (ЗП)
A search for the most predictive risk factors of lifetime suicidality (DV)

Показатель Indicator	Нестандартизированные коэффициенты Unstandardized Coefficients		Станд. коэф. Std. Coef.	t	p
	B	Ст.ошибка Std. Error	Beta		
Смена цели Goal Reengagement	0,161	0,139	0,051	1,160	0,246
Перфекционизм Perfectionism	-0,175	0,152	-0,054	-1,149	0,251
Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	0,457	0,159	0,141	2,874	0,004
Страх унижения Fear of Humiliation	0,219	0,121	0,085	1,815	0,070
Отказ от цели Goal Disengagement	0,030	0,161	0,009	0,189	0,850
Западня Entrapment	0,920	0,280	0,314	3,281	0,001
Поражение Defeat	-0,161	0,268	-0,055	-0,602	0,548
Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	0,251	0,169	0,080	1,486	0,138

Примечание: Характеристика модели $R^2 = 0.19$, $F = 15.521$, $p < 0.001$
Note: Characteristics of the model $R^2 = 0.19$, $F = 15.521$, $p < 0.001$

Мы провели линейный регрессионный анализ, чтобы определить наиболее значимые факторы риска для суицидальности на протяжении жизни и за последний месяц. Было обнаружено, что конструкты «Нарушенной принадлежности» и «Западни» (и, с пограничной значимостью, «Страх унижения») имеют самую большую ценность для предсказания суицидальности на протяжении жизни (Табл. 5), в то время как суицидальность на протяжении месяца предсказывалась в основном через конструкты «Воспринимаемой обременительности» и «Западни» (Табл. 6).

Любопытно, что конструкт «Западня» действовал и как долгосрочный, и как краткосрочный фактор суицидального поведения, а «Воспринимаемая обременительность» оказалась чуть более сильным фактором, вносящим чуть больший вклад в недавнее суицидальное поведение, чем конструкт «Западни». На первый взгляд, это противоречит Интегративной мотивационно-волевой модели суицидального поведения [22], которая ставит переживание западни ближе к волевому этапу суицидального процесса. Но в нашей модели учитывался когнитивный конструкт «отсутствия будущего», и, похоже, люди могут жить с когнитивной концептуализацией своей жизни как некоей ловушки, с ощущением безысходности. Возможно, именно социальный фактор придаёт им мотивацию к суицидальным действиям (будь то воспринимаемое отсутствие принадлежности или ощущение себя обузой для близких), что больше соответствует Межличностной теории суицида [23]. «Нарушенная принадлежность» и «Страх унижения» действовали как отдаленные (хронические) факторы суицидальности.

At first glimpse, it contradicts with the Integrated Motivational Volitional Model of suicidal behavior [22], which puts Entrapment closer to volitional part of the suicidal process. But in our model the cognitive construct of “no future” was assessed, and it seems that people may live with the cognitive conceptualization of their life as a trap, and probably it is the social factor that gives them motivation for suicidal action (be it the perception of not belonging or of being a burden), which is more consistent with the Interpersonal Theory of Suicide [23]. Thwarted Belongingness and Fear of Humiliation worked as distal (or chronic) factors of suicidality.

Discussion and directions for the further study

The adaptation of the Suicidal Narrative Inventory on a Russian sample went well. The confirmatory factor analysis showed a good fit of the theoretical model to the empirical data, and the subscales have good reliability and internal consistency.

The construct validity, though, found a less stable subscale (Perfectionism), which says that probably a full measure is needed to capture the destructiveness of this personal strategy.

Таблица 6 / Table 6

Поиск наиболее значимых факторов, предсказывающих недавнюю суицидальность (ЗП)
A search for the most predictive factors of recent suicidality (DV)

Показатель Indicator	Нестандартизированные коэффициенты Unstandardized Coefficients		Станд. коэф. Std. Coef.	t	p
	B	Ст. ошибка Std. Error	Beta		
Смена цели Goal Reengagement	-0,041	0,079	-0,023	-0,518	0,605
Перфекционизм Perfectionism	-0,009	0,086	-0,005	-0,109	0,914
Нарушенная принадлежность Thwarted Belongingness	0,046	0,090	0,025	0,505	0,614
Страх унижения Fear of Humiliation	-0,082	0,068	-0,056	-1,195	0,233
Отказ от цели Goal Disengagement	-0,016	0,091	-0,008	-0,176	0,860
Западня Entrapment	0,363	0,159	0,220	2,285	0,023
Поражение Defeat	0,002	0,152	0,001	0,013	0,989
Воспринимаемая обременительность Perceived Burdensomeness	0,434	0,096	0,246	4,531	<0,001

Примечание: Характеристика модели $R^2=0,18$, $F=14,445$, $p<0,001$
Note: Characteristics of the model $R^2=0,18$, $F=14,445$, $p<0,001$

Обсуждение и дальнейшие направления исследований

Адаптация «Опросника суицидального нарратива» на российской выборке прошла хорошо. Конфирматорный факторный анализ показал хорошее соответствие теоретической модели эмпирическим данным, и субшкалы продемонстрировали хорошую внутреннюю согласованность и надёжность.

Конструктная валидность, однако, показала менее стабильную субшкалу («Перфекционизм»), так что, предположительно, требуется полный опросник, чтобы уловить разрушительность этого личностного стиля. Кроме того, в предыдущих исследованиях в рамках МНСК перфекционизм рассматривался как хронический суицидальный фактор (личностная черта, уязвимость), и, возможно, поэтому его связь с суицидальностью менее ярка [8].

Субшкала «Смена цели» имела низкие, но осмысленные корреляции с субшкалами опросника «Сочувствия к себе» и «Шкалой суицидальности», в то время как субшкала «Отказ от цели» положительно коррелировала с позитивными субшкалами «Сочувствия к себе» и не показала связей со «Шкалой суицидальности», то есть её связь с суицидальным поведением не столь очевидна. Однако в недавнем исследовании в рамках МНСК было показано [8], что конструкт целеполагания, который выражается в шкалах «Отказа и смены цели», составляет отдельный фактор. Он напрямую связан с будущими суицидальными попытками, в обход синдрома суицидального кризиса и суицидальной идеации. Поэтому данный конструкт требует дальнейшего изучения в суицидологии и должен учитываться при оценке статуса суицидального пациента.

Субшкалы «Нарушенной принадлежности», «Воспринимаемой обременительности», «Страх унижения», «Поражения» и «Западни», созданные на основе Межличностной теории суицида и Интегративной мотивационно-волевой модели суицидального поведения, проявили себя как наиболее сильные факторы, коррелирующие и со «Шкалой суицидальности», и с субшкалами «Сочувствия к себе». Когнитивный конструкт «Западни», призванный оценить восприятие «отсутствия будущего», «беспросветность», действовал и как сильный хронический, и как краткосрочный фактор суицидального поведения. Аффективная часть этого конструкта, краткосрочное, интенсивное дисфорическое состояние входит в синдром суицидального кризиса (ССК) и в этом смысле не противоречит Интегративной мотивационно-волевой модели [22]. Но такое разделение требует дальнейшего подтверждения на российской выборке.

Модель нарративного суицидального кризиса представляет собой важный шаг в интеграции научных знаний о суицидальном поведении с учётом развития суицидального процесса во времени, с разделением факторов риска на хронические (дистальные) и краткосрочные (проксимальные). Однако требуются дальнейшие исследования в рамках этой модели по адаптации «Шкалы суицидального кризиса»,

Besides, in previous studies in the framework of NCM, perfectionism was viewed as a chronic factor of suicidality (personal trait, vulnerability), so, probably, that's why its link with suicidality is less pronounced [8].

The Goal Reengagement subscale had low, but meaningful correlations with Self-Compassion subscales and Suicidality score, while Goal Disengagement correlated positively with positive Self-Compassion subscales and had no correlations with Suicidality, which shows that it has a less decisive link to suicidal behavior. Still, the recent study in the framework of NCM showed [8] that the construct of goal orientation, as conceptualized in the Goal Adjustment Scale, composes a separate factor. It is directly linked with prospective suicide attempts, bypassing the Suicide Crisis Syndrome and Suicidal Ideation. This shows that this construct needs further study in suicide research and has to be taken into consideration in assessment of the suicidal patient.

Thwarted Belongingness, Perceived Burdensomeness, Fear of Humiliation, Defeat and Entrapment subscales from the Interpersonal Theory of Suicide and the Integrated Motivational-Volitional Model of suicidal behavior proved to be the strongest constructs to relate both with Suicidality score and the self-compassion subscales. The cognitive construct of Entrapment, which was aimed to assess the perception of "no future", acted both as a chronic and as a short-term factor of suicidal behavior. The affective part of this construct, a short-living, intense dysphoric state is accounted for in the Suicidal Crisis Syndrome (SCS), and in this sense, it does not contradict the Integrative Motivational-Volitional Model [22]. But this division needs further study on the Russian sample.

Narrative Crisis Model of suicide presents an important step in integrating scientific knowledge on suicidal behavior, accounting for development of suicidal process in time, dividing risk factors of suicide into chronic (distal) and short-term (proximal). Still, further work is needed in the framework of this model to adapt the measure of Suicidal Crisis Scale, in order to link acute presuicidal state with sub-acute state, as conceptual-

чтобы связать острый пресуицид с подострым состоянием, которое концептуализировано в конструкте суицидального нарратива.

ized in the construct of Suicidal Narrative.

Литература / References:

- O'Connor R., Wetherall K., Cleare S., et al. Mental health and well-being during the COVID-19 pandemic: longitudinal analyses of adults in the UK COVID-19 Mental Health and Wellbeing Study. *The British Journal of Psychiatry*. 2020. DOI: 10.1192/bjp.2020.212
- Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю. Анализ динамики депрессивной симптоматики и суицидальных идей во время пандемии COVID-19 в России. *Суицидология*. 2020; 11 (3): 3–16. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-3-16. [Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Boyko O.M., Vorontsova O.Yu. The dynamics of depressive symptoms and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic in Russia. *Suicidology*. 2020; 11(3): 3-16]. (In Russ.)
- Galynker I. *The suicidal crisis: Clinical guide to the assessment of imminent suicide risk*. New York, NY: Oxford University Press, 2017. 328 p.
- Cohen L.J., Gorman B., Briggs J., Jeon M.E., Ginsburg T., Galynker I. The suicidal narrative and its relationship to the suicide crisis syndrome and recent suicidal behavior. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2019; 49 (2): 413-422. DOI: 10.1111/sltb.12439
- Goschin S., Briggs J., Blanco-Lutzen S., Cohen L.J., Galynker I. Parental affectionless control and suicidality. *Journal of Affective Disorders*. 2013; 151 (1): 1-6. DOI: 10.1016/j.jad.2013.05.096
- Wenzel A., Beck A.T. A cognitive model of suicidal behavior: Theory and treatment. *Applied and Preventive Psychology*. 2008; 12(4): 189-201. DOI: 10.1016/j.appsy.2008.05.001
- Cohen L.J., Ardan F., Yaseen Z., Galynker I. Suicide crisis syndrome mediates the relationship between long-term risk factors and lifetime suicidal phenomena. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2018; 48 (5): 613-623. DOI: 10.1111/sltb.12387
- Bloch-Elkouby S., Gorman B., Lloveras L., Wilkerson T., Schuck A., Barzilay S., Calati R., Schnur D., Galynker I. How do distal and proximal risk factors combine to predict suicidal ideation and behaviors? A prospective study of the narrative crisis model of suicide. *Journal of Affective Disorders*. 2020; 277: 914-926. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.088
- McLean K.C., Pasupathi M., Pals J.L. Selves creating stories creating selves: A process model of self-development. *Personality and Social Psychology Review*. 2007; 11 (3): 262-278. DOI: 10.1177/1088868307301034
- Pals J.L. Narrative identity processing of difficult life experiences: Pathways of personality development and positive self-transformation in adulthood. *Journal of Personality*. 2006; 74 (4): 1079-1110. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2006.00403.x
- Woike B., Polo M. Motive-related memories: Content, structure, and affect. *Journal of Personality*. 2001; 69 (3): 391-415. DOI: 10.1111/1467-6494.00150
- Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., Braithwaite S.R., Selby E.A., Joiner T.E.Jr. The interpersonal theory of suicide. *Psychological review*. 2010; 117 (2): 575-600.
- Klein D.C. The humiliation dynamic: An overview. *Journal of Primary Prevention*. 1991; 12 (2): 93-121. DOI: 10.1007/BF02015214
- Gilbert P., Allan S. The role of defeat and entrapment (arrested flight) in depression: an exploration of an evolutionary view. *Psychological Medicine*. 1998; 28 (3): 585-598. DOI: 10.1017/S0033291798006710
- Hendin H., Maltzberger J.T., Haas A.P., Szanto K., Rabinowicz H. Desperation and other affective states in suicidal patients. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2004; 34 (4): 386-394. DOI: 10.1521/suli.34.4.386.53734
- Siddaway A.P., Taylor P.J., Wood A.M., Schulz J. A meta-analysis of perceptions of defeat and entrapment in depression, anxiety problems, posttraumatic stress disorder, and suicidality. *Journal of Affective Disorders*. 2015; 184: 149-159. DOI: 10.1016/j.jad.2015.05.046
- O'Connor R.C., Fraser L., Whyte M.C., MacHale S., Masterton G. Self-regulation of unattainable goals in suicide attempters: The relationship between goal disengagement, goal reengagement and suicidal ideation. *Behaviour research and therapy*. 2009; 47 (2): 164-169.
- O'Connor R., O'Carroll R.E., Ryan C., Smyth R. Self-regulation of unattainable goals in suicide attempters: A two year prospective study. *Journal of Affective Disorders*. 2012; 142 (1-3): 248-255. DOI: 10.1016/j.jad.2012.04.035
- Schuck A., Calati R., Barzilay S., Bloch-Elkouby S., Galynker I. Suicide Crisis Syndrome: A review of supporting evidence for a new suicide-specific diagnosis. *Behavioral Sciences & The Law*. 2019; 37 (3): 223-239. DOI: 10.1002/bsl.2397
- Chu C., Buchman-Schmitt J.M., Stanley I.H. ... Joiner T.E.Jr. The interpersonal theory of suicide: A systematic review and meta-analysis of a decade of cross-national research. *Psychological Bulletin*. 2017; 143 (12): 1313-1345. DOI: 10.1037/bul0000123
- Dhingra K., Boduszek D., O'Connor R.C. Differentiating suicide attempters from suicide ideators using the Integrated Motivational-Volitional Model of suicidal behaviour. *Journal of Affective Disorders*. 2015; 186 (1): 211-218. DOI: 10.1016/j.jad.2015.07.007
- O'Connor R.C., Kirtley O.J. The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2018; 373 (1754). DOI: 10.1098/rstb.2017.0268
- Van Orden K.A., Cukrowicz K.C., Witte T.K., Joiner T.E.Jr. Thwarted belongingness and perceived burdensomeness: Construct validity and psychometric properties of the Interpersonal Needs Questionnaire. *Psychological Assessment*. 2012; 24 (1): 197-215. DOI: 10.1037/a0025358
- Hewitt P.L., Flett G.L., Turnbull-Donovan W., Mikail S.F. The Multidimensional Perfectionism Scale: Reliability, validity, and psychometric properties in psychiatric samples. *Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1991; 3(3): 464-468. DOI: 10.1037/1040-3590.3.3.464
- Wrosch C., Scheier M.F. Personality and quality of life: The importance of optimism and goal adjustment. *Quality of Life Research*. 2003. Vol. 12. P. 59-72 doi: 10.1023/A:1023529606137
- Hoolley J.M., Teasdale J.D. Predictors of relapse in unipolar depression: Expressed emotion, marital distress, and perceived criticism. *Journal of Abnormal Psychology*. 1989; 98 (3): 229-235.
- Hartling L.M., Luchetta T. Humiliation: Assessing the Impact of Derision, Degradation, and Debasing. *The Journal of Primary Prevention*. 1999; 19: 259-278. DOI: 10.1023/A:1022622422521
- Griffiths A.W., Wood A.M., Maltby J., Taylor P.J., Panagioti M., Tai S. The development of the Short Defeat and Entrapment Scale (SDES). *Psychological Assessment*. 2015; 27 (4): 1182-1194. DOI: 10.1037/pas0000110
- Меньшикова А.А., Герсамяя А.Г., Канаева Л.С., Акжигитов Р.Г. Теория суицидального поведения Т. Джойнера: Адаптация опросника межличностных потребностей (INQ) *Российский психиатрический журнал*. 2016; 2: 51-60 [Menshikova A.A., Gersamiya A.G., Kanaeva L.S., Akzhigitov R.G.T. Joiner's theory of suicide: An adaptation of the Interpersonal Needs Questionnaire (INQ). *Russian Journal of Psychiatry*. 2016; 2: 51-60] (In Russ) DOI: 10.24411/1560-957X-2016-1%25x
- Рассказова Е.И. Апробация русскоязычной версии шкалы отказа и смены цели. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2018; 2: 100-117. DOI: 10.11621/vsp.2018.02.100 [Rasskazova E.I. Validation of the Russian version of the Goal Disengagement and Re-Engagement Scale. *Moscow University Psychology Bulletin*. 2018; 2: 100-117.] (In Russ)
- Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта. *Психологический журнал*. 2006; 27 (6): 73-80. [Gracheva I.I. Adaptation of "Multidimensional Perfectionism Scale" technique by P. Hewitt and G. Flett. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006; 27 (6): 73-80.] (In Russ)
- Neff K. The development and validation of a scale to measure self-compassion. *Self and Identity*. 2003; 2 (2): 223-250. DOI: 10.1080/15298860309027
- Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосек С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф. *Культурно-историческая психология*. 2020; 16 (4): 35-48. DOI: 10.17759/chp.2020160404. [Chistopolskaya K.A., Osin E.N., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. The concept of self-compassion: A Russian adaptation of the scale by Kristin Neff. *Cultural-Historical Psychology*. 2020; 16 (4): 35-48.] (In Russ, En)
- Posner K., Brown G.K., Stanley B. et al. The Columbia-Suicide Severity Rating Scale: initial validity and internal consistency findings from three multisite studies with adolescents and adults. *The American Journal of Psychiatry*. 2011; 168 (12): 1266-1277. DOI: 10.1176/appi.ajp.2011.10111704

35. Hu L. Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999; 6 (1): 1-55. DOI: 10.1080/10705519909540118
36. Vandenberg R.J., Lance C.E. A review and synthesis of the measurement invariance literature: Suggestions, practices, and recommendations for organizational research. *Organizational Research Methods*. 2000; 3 (1): 4-70. DOI: 10.1177/109442810031002
37. Rosseel Y. Lavaan: An R package for structural equation modeling and more. A version 0.5-12 (BETA). *Journal of Statistical Software*. 2012; 48 (i02).
38. Flett G.L., Hewitt P.L., Heisel M.J. The destructiveness of perfectionism revisited: Implications for the assessment of suicide risk and the prevention of suicide. *Review of General Psychology*. 2014; 18 (3): 156-172. DOI: 10.1037/gpr0000011

ADAPTATION OF THE SUICIDAL NARRATIVE INVENTORY IN A RUSSIAN SAMPLE

K.A. Chistopolskaya¹, M.L. Rogers²,
E. Cao², I. Galyunker², J. Richards²,
S.N. Enikolopov³, E.L. Nikolaev⁴,
V.S. Sadovnichaya⁵, S.E. Drovosekov⁶

¹Eramishantsev Moscow City Clinical Hospital, Moscow, Russia

²Mount Sinai Beth Israel, New York, USA

³Mental Health Research Centre, Moscow, Russia

⁴Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

⁵Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

⁶Center of psychological, pedagogical, medical help, Vsevolozhsk, Russia

Abstract:

The Suicidal Narrative (SN), a sub-acute component of the Narrative Crisis Model of suicide is introduced in the article. SN is a dead-end life narrative derived from the construct of narrative identity that may give rise to the acute pre-suicidal mental state, the Suicide Crisis Syndrome. Study objective: To adapt on a Russian sample the Suicidal Narrative Inventory. Participants: The internet survey was conducted, and 537 responses from June, 16, 2020 to November, 22, 2020 were used. The age of the respondents – 18-74 (M=26.96, SD=12.86), 128 respondents were male (24%), 393 – female (73%), 16 has chosen some other gender identity (3%). Methods: Suicidal Narrative Inventory, Self-Compassion Scale, Suicidality Scale. Results: Confirmatory factor analysis showed good model fit ($\chi^2[637]=2017.93, p<0.001, CFI=0.99, TLI=0.99, RMSEA=0.06, SRMR=0.06$), but construct validity indicated, that further work is needed for the subscales of Perfectionism and Goal Disengagement. Conclusions: Subscales of Thwarted Belongingness, Perceived Burdensomeness, Defeat, Entrapment, and Fear of Humiliation from the Suicidal Narrative Inventory can be used for suicidal narrative studies, while perfectionism as personal style of a suicidal person and goal adjustment strategies as the elements of suicidal narrative need further research, possibly, with the use of more elaborate questionnaires.

Keywords: suicide, suicidal narrative, narrative crisis model of suicide, COVID-19

Вклад авторов:

K.A. Чистопольская: дизайн исследования, перевод опроса на русский язык, координация исследования, анализ данных, написание статьи, редакция статьи;
M.L. Rogers: анализ данных, написание статьи, редакция статьи;
E. Cao: координация исследования, литературный обзор, написание статьи;
И. Галынкер: дизайн исследования, редакция перевода, редакция статьи;
J. Richards: координация исследования, анализ данных;
С.Н. Ениколопов: дизайн исследования, редакция перевода, редакция статьи;
Е.Л. Николаев: сбор данных, редакция статьи;
В.С. Садовнича: сбор данных, анализ данных;
С.Э. Дровосеков: сбор данных.

Authors' contributions:

K.A. Chistopolskaya: study design, survey translation, study coordination, data analysis, article writing, article editing
M.L. Rogers: data analysis, article writing, article editing;
E. Cao: study coordination, literature review, article writing;
I. Galyunker: study design, translation editing, article editing;
J. Richards: study coordination, data analysis;
S.N. Enikolopov: study design, translation editing, article editing;
E.L. Nikolaev: data collection, article editing;
V.S. Sadovnichaya: data collection, data analysis;
S.E. Drovosekov: data collection.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 30.11.2020. Принята к публикации / Accepted for publication: 24.12.2020.

Для цитирования: Чистопольская К.А., Rogers M.L., Cao E., Галынкер И., Richards J., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Садовнича В.С., Дровосеков С.Э. Адаптация «Опросника суицидального нарратива» на российской выборке. *Суицидология*. 2020; 11 (4): 76-90. doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-76-90

For citation: Chistopolskaya K.A., Rogers M.L., Cao E., Galyunker I., Richards J., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Sadovnichaya V.S., Drovosekov S.E. Adaptation of the Suicidal narrative inventory in a Russian sample. *Suicidology*. 2020; 11 (4): 76-90. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-04(41)-76-90